

С. Г. Осьмачко
<https://orcid.org/0000-0001-9304-0754>*

О. А. Артамонова
<https://orcid.org/0000-0002-4715-7326>

Культура и РККА: культурно-просветительная работа в действующей армии (1929–1940 гг.)

Рассмотрена взаимосвязь социально-политических процессов, происходивших в межвоенный период в обществе и в армии. При этом постановка вопроса «армия и культура» носит несколько формальный характер. Вряд ли можно назвать серьезным культурным шагом проникновение в армейский быт тех или иных произведений литературы или кинематографа; «культурная работа», «окультуривание» сводились к идеологическим вливаниям в сознание военнослужащих.

Особую роль в данном случае играл идеологический компонент, марксистско-ленинское мировоззрение (официальная идеология правящей сталинистской элиты) предполагалось для советских военнослужащих как обязательное, несоответствия (порой довольно безобидные) санкционировались государством и обществом по всей строгости тоталитарного режима.

Крайне негативную роль играли военно-политические идеологические стереотипы, навязывавшиеся армии для обязательного использования. К ним можно отнести убеждение военнослужащих в справедливости любой войны, которую ведет СССР; убеждение в непобедимости РККА; утверждения о слабости вражеского тыла, который неизбежно перейдет на советскую сторону в ходе войны; приоритет интернационального воспитания над патриотическим; теорию особой маневренности красноармейца и пр.

Боевые действия, в которых принимала участие РККА в 1929–1940 гг., являлись своего рода экспертизой эффективности культурно-просветительной работы (КПР) в армии. Этот вид деятельности имел особое значение на войне – и с точки зрения политико-морального состояния, и с точки зрения психологической готовности к боевым действиям.

Основными направлениями КПР являлись фронтовые выступления профессиональных артистов; художественная самодеятельность; показ кинокартин; обеспечение войск газетами, журналами, почтой, политпросветимуществом; деятельность армейских «очагов культуры» – клубов, Домов Красной армии и пр. Количественно-качественный анализ форм и методов КПР говорит об особом внимании руководства к данной проблеме.

Ключевые слова: культура, армия, боевые действия, культпросветработа, идеология, сталинизм, Дом Красной армии.

S. G. Osmachko, O. A. Artamonova

Culture and the Red Army: Cultural and Educational Work in Field Army (1929–1940)

The interrelation of the socio-political processes is considered, which was happening during the interwar period in society and in army. At the same time formulation of the question «army and culture» has a little formal character. It is hardly possible to call serious cultural penetration into army life of these or those literary or cinema works; «cultural work», «cultivation» came down to ideological infusion in consciousness of the military men.

A special role was played in this case by an ideological component, the Marxist-Leninist outlook (official ideology of ruling Stalinist elite) was supposed for Soviet military men as obligatory, discrepancies (sometimes quite harmless) were sanctioned by the state and society due to severity of the totalitarian regime.

An extremely negative role was played by military-political ideological stereotypes, enforced in the Army to be used obligatory. It is possible to mention among them beliefs of military men in justice of any war, which is made by the USSR; belief in invincibility of the Red Army; statements about weakness of the enemy back, which would inevitably change side to the Soviet one during the war; surplus of international education over patriotic; theory of special maneuverability of the Red Army man and etc.

Fightings, in which the Red Army was involved in 1929–1940 were some kind of examination of efficiency of the cultural and educational work (CEW) in the Army. This kind of activity was of particular importance in the war – both from the point of view of political morale, and from the point of view of psychological readiness for fighting.

The CEW main directions were: front speeches of professional actors; amateur performances; display of movies; providing troops with newspapers, magazines, mail, political enlightenment; activity of the army «centers of culture» – clubs, Club of the Red Army and so forth. The quantitative and qualitative analysis of forms and methods of CEW proves special attention of the management to this problem.

Keywords: culture, army, fighting, cultural and educational work, ideology, Stalinism, Club of the Red Army.

Воспитание «нового советского человека», по сути, означало создание нового типа личности. Новизна оценивалась, прежде всего, по политическому основанию, по соответствию требованиям марксизма-ленинизма – официальной идеологии правящей партийно-бюрократической элиты. Если соответствия не наблюдалось, то, по канонам тоталитарного государства и общества, принимались меры насильственного характера для выправления ситуации. Сталинистское общество отличалось идеологизацией всего и вся. Так, подлинно культурная работа с личностями воннослужащих, основанная на гуманизме и общечеловеческих ценностях, заменялась примитивным идеологическим «закапыванием мозгов». Ее форму, в свою очередь, отличают достаточное многообразие, всеохватность, отсутствие статусной подачи, когда большинство псевдокультурных установок, например, для старших офицеров и младшего комсостава, теоретически различались несущественно.

Рассмотрим **основные направления реализации задач культурно-просветительной работы в действующей РККА в 1929–1940 гг.** (от начала советско-китайского вооруженного конфликта 1929 г. до конца советско-финляндской войны 1939–1940 гг.).

Организация фронтовых выступлений профессиональных артистов. Уже на Хасане в 1938 г. Краснознаменный ансамбль красноармейской песни и пляски СССР, а также 9 бригад артистов дали более 100 концертов [7, л. 167].

Действия Украинского фронта в сентябре 1939 г. на территории Западной Украины обеспечивали ансамбль красноармейской песни и пляски Киевского особого военного округа (60 чел.), группа артистов театра округа (35 чел.), 4 бригады артистов театров Киева (67 чел.), джаз-оркестр под управлением Володарского (18 чел.), капелла бандуристов (26 чел.), хоровая капелла имени Левитовича и артисты театра миниатюр (12 чел.), бригада артистов театров Москвы (18 чел.), бригада артистов Винницкого театра оперы (12 чел.), бригада ансамбля песни и танца УССР (67 чел.), хоровая капелла УССР «Думка» (75 чел.), театр и хоровая капелла из Каменец-Подольска (140 чел.).

Все эти коллективы с 16 сентября по 12 октября 1939 г. дали 283 концерта и 35 спектаклей [9, л. 77–78].

Еще шире эта деятельность была развернута в ходе советско-финляндской войны. Политуправление Ленинградского военного округа органи-

зовало два агитпоезда (по 2–3 бригады артистов, 1 затейник, 3–7 лекторов, 1 юрист, киноработники и пр.) и пять агитмашин (концертная бригада, лектор, кинопередвижка, радиоустановка, библиотечка и пр.).

Кроме того, на фронте действовали ансамбль песни и пляски Ленинградского военного округа и отдельные бригады артистов: в декабре 1939 г. в составе 540 человек их насчитывалось 31.

Этими силами к середине февраля 1940 г. были подготовлены 7 921 лекция и доклад, 1 116 концертов и только в январе 1940 г. обслужено 111 тыс. чел. Перед ранеными в госпиталях было дано 186 концертов, прочитано 219 лекций [4, л. 46–47]. Работавшая в 9-й армии концертная бригада из Москвы (Л. А. Русланова, М. Н. И. Гаркави и др.) дала около ста концертов и выступлений. Все это поднимало дух бойцов, которых для «культурного обслуживания» иногда даже отводили с передовой.

Работу профессиональных артистов дополняли воины – участники *художественной самодеятельности*. Конечно, в боевой обстановке думать серьезно о массовом развитии художественного творчества воинов невозможно, но в периоды затишья, в паузах между боевыми действиями самодеятельность была достаточно активной. На Хасане в батальоне связи ставили спектакли и даже организовывали джазовые выступления [7, л. 167]. В период боев бойцы сочиняли стихи, песни, частушки. Во время войны с Финляндией в окопной художественной самодеятельности на «ура» принимали пьесу «Белофинские кукушки перестали куковать» и сценку «Все хорошо» (авторы – красноармейцы Жилкин и Завязистый) [4, л. 48].

Большое значение для отдыха бойцов имел *показ кинокартин*. Начальник Политического управления РККА (ПУРККА) Л. З. Мехлис приказал после заключения перемирия с японцами у озера Хасан ежедневно показывать кино. Однако кинопередвижка в районе боевых действий была только во 2-м мехбате, где и были осуществлены 42 кинопоказа [7, л. 131, 151].

На Халхин-Голе фильмы демонстрировались чаще уже в мае 1939 г. В Тамцак-Булаке была создана кинопрокатная база, а в районе боевых действий – кинопрокатный пункт. К августу 1939 г. в войсках имелось 100 копий кинокартин, 90 кинопередвижек и 5 агитмашин, что дало возможность продемонстрировать в ходе войны 4 105 киносеансов [6, л. 133–134].

А во время советско-финляндской войны в действующей армии находилось 1 300 кинокопий [6, л. 49]. Действия Украинского фронта во время ввода войск в Польшу обеспечивали три кинопрокатные базы, имевшие копии 80 кинокартин на русском языке (кинофильмы «Чапаев», «Щорс», «Ленин в 1918 г.», «Петр I», «Мы из Кронштадта», «Великое зарево», «Волочаевские дни», «Всадники», «Балтийцы», «Граница на замке», «Друзья» и др.) и 250 копий кинокартины «Щорс» на украинском языке [9, л. 8]. Однако говорить о полном и всеохватном кинообеспечении войск нет оснований.

Значительно хуже в районе боевых действий была поставлена *библиотечная работа*. Соединения и части, воевавшие на Хасане, свои библиотечки оставили на зимних квартирах. Не до книг было и на Халхин-Голе (хотя в мае – августе 1939 г. ПУРККА отправило в район боевых действий 24 973 экз. литературы, в том числе более 17 тыс. Уставов ВКП(б) и 863 экз. «Краткого курса истории ВКП(б)»). В советско-финляндской войне сносно обеспечивались литературой, пожалуй, только раненые в госпиталях. И лучше всего библиотечное обслуживание было поставлено во время ввода войск на территорию Западных Украины и Белоруссии. Так, войска Украинского фронта имели в походных библиотеках 9 104 экз. книг и 15 тыс. красноармейских песенников. Естественно, возможности для чтения возникали только в паузах между боевыми действиями.

Важной задачей культпросветработы в боевой обстановке было *обеспечение войск газетами, журналами и почтой*. В боевых действиях межвоенного периода сложилась система фронтовых изданий, которая без особых изменений сохранилась и в годы Великой Отечественной войны: газеты фронтов и армий, печатные многотиражки соединений, рукописные издания подразделений, издания для войск и населения противника.

Количество и объем изданий достигали значительных величин. Во время подготовки к вводу войск в Польшу существенно выросли тиражи окружных газет: в Белорусском округе – на 60 % (с 80 тыс. до 130 тыс.), в Киевском округе – на 70 % (с 90 тыс. до 150 тыс. экз.).

На Украинском фронте издавались 47 газет (3 фронтовые, 8 армейских, 36 дивизионных и бригадных) общим тиражом 515 тыс. экз.; на Белорусском фронте – 59 газет (3 фронтовые, 8 армейских, 48 дивизионных и бригадных). Кроме

того, войска снабжались центральной прессой: Украинский фронт с 17 сентября по 15 октября получил 3 264 тыс. экз. различных изданий [9, л. 91]. На Халхин-Голе накануне августовских боев войска 1-й армгруппы получали более более 54 тыс. экз. газет и 8 345 журналов [6, л. 126, 127].

Во время войны с Финляндией для удовлетворения нужд выросших фронтовых изданий было даже разрешено расходовать газетную бумагу из НЗ (ведь только тираж газеты 7-й армии «Боевая красноармейская» был увеличен до 20 тыс. экз.) [5, л. 145, 146].

Особое значение в передаче боевого опыта имели войсковые газеты и листовки. На Хасане газета «На защиту Родины!» через письма и описание боевых эпизодов рассказывала о необходимых методах и способах ведения боевых действий. На Халхин-Голе в «Героической красноармейской» имелись интересные рубрики, например, «Герои Халхин-Гола», «Участники боев рассказывают о своем опыте». В рамках последней большое внимание уделялось злободневным воинским вопросам: опыту успешных штурмовых действий (захват сопки Палец, Зеленая, Ремизова, Песчаная), организации взаимодействия («Крепче боевую смычку пехоты и танкистов» – полоса № 42, «Артиллеристы отвечают федуниным» – подборка в № 46, «Пехотинцы горячо приветствуют отважных бомбардировщиков и истребителей» – полоса в № 69 и пр.)

В сентябре 1939 г. редакция дивизионной газеты «За Родину!» дважды в день выпускала особый боевой листок с материалами ТАСС; редакция дивизионной газеты «На боевом посту» (10-я стрелковая дивизия Белорусского фронта) ежедневно выпускала специальный информационный бюллетень.

Во время боев с Финляндией фронтовая газета «На страже Родины» создала отдел боевого опыта, где публиковались материалы о ведении ближнего боя, штурме дотов, особенностях боевых действий зимой, в лесисто-болотистой местности, лыжной подготовке и пр.

Быть актуальными, поднимать животрепещущие вопросы боя и военного быта газетам позволяла активная работа с военкорами. Так, редакция газеты «Боевая красноармейская» в период с 1 декабря 1939 г. по 15 марта 1940 г. получила 3 290 военкорских писем, около 30 % из которых были опубликованы [2, с. 65–67].

Наряду с военкорами, в работе фронтовых газет принимали участие профессиональные лите-

раторы. После боев на Халхин-Голе работа писателей и поэтов в газетах действующей армии стала правилом. Во время похода в Западные Украину и Белоруссию на штатные должности в изданиях обоих фронтов были назначены С. Вашенцев, В. И. Лебедев-Кумач, А. Т. Твардовский, Е. А. Долматовский. Во время войны с Финляндией Союз писателей СССР также послал группу своих членов в редакции военных газет.

Во многих политдонесениях отмечалась плохая организация доставки газет, журналов и почты. Начиная с Хасана, постепенно сложилась ее следующая схема: определялась так называемая центральная экспедиция (обычно в звене *армия – фронт*), куда пресса доставлялась из центра. Например, на Халхин-Голе эту роль играл агитпункт в Хамар-Дабэ (20 км от фронта), два сотрудника которого могли ежедневно к 13 часам передавать прессу и почту в соединения и части [6, л. 126]. В центральной экспедиции получали почту и пр. экспедиторы соединений, в соединениях – экспедиторы полков, в полку – экспедиторы подразделений. Как правило, экспедитором назначался младший командир, которому выдавалась лошадь с повозкой.

Система доставки окончательно сложилась во время войны с Финляндией. Начало ее формирования – хасанские события – было отмечено только выделением экспедиторов подразделений. В части почта доставлялась из мест постоянной дислокации случайными случаями и попутчиками. В таких случаях предпочтение отдавалось вооружениям, боеприпасам и т. п. Задержка доставки почты на Хасане (ежедневно около 500 кг) составляла 15–20 дней для центральной прессы, 5–7 дней для газет воюющих соединений [7, л. 8; 8, л. 187–189]; в Западных Украине и Белоруссии центральные газеты поступали в войска с опозданием более чем на 10 дней, а фронтовые газеты – на 5-е сутки [10, с. 58].

Следует также остановиться на *деятельности армейских «очагов культуры» – клубов, Домов Красной армии и пр.* В боевой обстановке они или не работали вовсе, или занимались не своим делом (например, Дома Красной армии 32-й и 40-й стрелковых дивизий, действовавших на Хасане, занимались подвозом боеприпасов и эвакуацией раненых [7, л. 192]).

Основными формами клубной работы на фронте были организация деятельности концертных бригад, кинообслуживание, изготовление наглядной агитации, подготовка и транслирова-

ние радиопередач и пр. Естественно, армейский клуб мог действовать только в тылу. На боевых позициях функции клубной работы должны были брать на себя политработники и актив. Так, собственно, и происходило во время войны с Финляндией, когда бойцы открывали «клубные» землянки, использовавшиеся в культпросветцелях [4, л. 48].

Сложным оставался вопрос о *снабжении воевавших политпросветимуществом*. Опыт боевых действий 1929 г. на КВЖД заставил руководство ПУРККА 21 января 1931 г. сделать однозначный вывод: темпы развития материально-технической базы воспитательной работы существенно отстали от темпов технической реконструкции армии [5, л. 24]. Во время хасанских событий отдел армейского полевого снабжения совершенно не занимался вопросами доставки культпросветимущества [7, л. 17]. На складах НЗ не было киноустановок, патефонов, пластинок и пр. для укомплектования развертываемых войск. Клубное имущество выводимых в район боевых действий частей чаще всего оставалось на зимних квартирах.

Чтобы поправить положение дел, было необходимо вмешательство центральных инстанций. Например, только ПУРККА отправило в район боевых действий на Халхин-Голе 53 кинопередвижки, 214 гармоней, 10 баянов, 106 патефонов, 414 гитар, 304 мандолины, 423 балалайки, 74 фотоаппарата, 1507 географических карт, более 2 тыс. комплектов настольных игр. Имущество доставлялось через перевалочную базу в Тамцак-Булаке и агитпункт в Хамар-Дабэ [6, л. 127]. Во время войны с Финляндией к 60-летию И. В. Сталина (21 декабря 1939 г.) для подъема духа наших войск Л. З. Мехлис лично привез на передовые позиции «стратегический груз – 10 тыс. портретов вождя, которые распорядился укрепить на всех окрестных соснах» [1, с. 35].

В целом эти и многие другие вопросы культурно-просветительной работы в боевой обстановке (например, издание положения о работе агитпоездов и агитмашин) не были урегулированы до Великой Отечественной войны.

Библиографический список

1. Новое время. – 1995. – № 8. – С. 34–36.
2. Пропагандист и агитатор РККА. – 1940. – № 9–10. – С. 65–71.
3. Российский государственный военный архив (РГВА). – Ф. 4. – Оп. 29. – Д. 505. – 412 л.
4. РГВА. – Ф. 9. – Оп. 29. – Д. 504. – 389 л.
5. РГВА. – Ф. 9. – Оп. 40. – Д. 31. – 119 л.

6. РГВА. – Ф. 32113. – Оп. 1. – Д. 72. – 411 л.
7. РГВА. – Ф. 35083. – Оп. 1. – Д. 109. – 229 л.
8. РГВА. – Ф. 35083. – Оп. 1. – Д. 188. – 509 л.
9. РГВА. – Ф. 35084. – Оп. 1. – Д. 188. – 321 л.

Bibliograficheskij spisok

1. Novoe vremja. – 1995. – № 8. – S. 34–36.
2. Propagandist i agitator RKKA. – 1940. – № 9–10. – S. 65–71.
3. Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv (RGVA). – F. 4. – Op. 29. – D. 505–412 l.
4. RGVA. – F. 9. – Op. 29. – D. 504–389 l.
5. RGVA. – F. 9. – Op. 40. – D. 31–119 l.
6. RGVA. – F. 32113. – Op. 1. – D. 72–411 l.
7. RGVA. – F. 35083. – Op. 1. – D. 109–229 l.

8. RGVA. – F. 35083. – Op. 1. – D. 188–509 l.
9. RGVA. – F. 35084. – Op. 1. – D. 188–321 l.

Reference List

1. Modern times. – 1995. – № 8. – Page 34–36.
2. Propagandist and agitator of the Red Army. – 1940. – № 9–10. – Page 65–71.
3. Russian State Military Archive (RSMA). – V. 4. – List. 29. – D. 505–412 p.
4. RSMA. – V. 9. – List. 29. – D. 504–389 p.
5. RSMA. – V. 9. – List. 40. – D. 31–119 p.
6. RSMA. – V. 32113. – List. 1. – D. 72–411 p.
7. RSMA. – V. 35083. – List. 1. – D. 109–229 p.
8. RSMA. – V. 35083. – List. 1. – D. 188–509 p.
9. RSMA. – V. 35084. – List. 1. – D. 188–321 p.